

Члены словообразовательных гнезд зоонимов чаще образованы аффиксальным способом, чем путем словосложения. Наибольшее количество сложных слов мотивировано прежде всего названиями тех животных, которые имеют высокую хозяйственную ценность. Во фразеологии влияние данного фактора меньше (ср. активность в ФО лексем серб. *змија* 'змея', бел. *кот* и т. д.). В связи с этим гнезда самых активных в ФО зоонимов не всегда включают и наибольшее число дериватов – сложных слов.

5. Заключение. Таким образом, в кругу рассматриваемых зоонимов наблюдаются как прямые, так и непрямые корреляции между фразеологической активностью и другими аспектами активности слова. Одни лексемы (названия собаки, коня и другие) в обоих языках проявляют высокую активность практически по всем направлениям. Для других лексем (серб. *мува* – бел. *муха*) представленность в большом количестве ФО является своего рода языковой компенсацией их достаточно низкой активности в рамках других аспектов. Количественные показатели характера и тесноты корреляции направлений активности зоонимов практически совпадают в родственных сербском и белорусском языках, однако сопоставление полученных результатов с данными других исследователей показывает, что эти показатели варьируются в зависимости от исследуемых лексико-семантических групп и языков. Фразеологическая активность сербских и белорусских зоонимов тесно связана с их общезыковой частотой, наличием у слов полисемии и словообразованием. Не отмечается взаимозависимости активности рассматриваемых зоонимов в ФО и степени развитости их полисемии.

Сокращения

РМС – Речник савременог српскохрватског књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Т. 1–6; **ТСБМ** – Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977–1984. Т. 1–5.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапов М. В. Активный словарь // Языкознание: БЭС. М., 1998.
 Бронштейн И. Н., Семендяев К. А. Справочник по математике для инженеров и учащихся втузов. М.; Лейпциг, 1981.
 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
 Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы: Вусная народная творчасць. Мн., 1982.
 Москович В. А. Статистика и семантика. М., 1969.
 Николаева Е. К. К типологии фразообразования устойчивых сравнений // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 95–99.
 Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М., 1981.
 Супрун А. Е. Лексическая типология языков. Мн., 1983.
 Чајкановић В. Два празника из животињског култа // Студије из српске религије и фолклора. Београд, 1994. С. 243–274.
 Subotić L. Semantika i narodna taksonomija biljnog i životinjskog sveta // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1994. № 37. С. 97–109.

Поступила в редакцию 26.11.2002.

Светлана Владимировна Голяк – преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

О. В. ВИКТОРЧИК

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ В ОЦЕНКЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО РУССКИМИ И БЕЛОРУСАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИИ)

В ходе семантического анализа русских и белорусских пословиц доказывается, что оппозиция мужского и женского в паремийном материале русских и белорусов представлена по-разному: белорусские паремии фиксируют более уважительное, в большей мере паритетное отношение к женщине, тогда как в русских женщина – существо бесправное, находящееся в подчинении у мужчины.

The semantic analysis of Russian and Belarusian proverbs proves that the opposition of masculine and feminine is displayed differently in the paremiologic material of the Russians and Belarusians. Belarusian proverbs register more respectful and equal attitude towards Woman while Russian proverbs expose Woman as a creature, who is deprived of any rights and entirely subordinated to Man.

В нашем восприятии мира одним из первых, наряду с различением своего и чужого, единственного и множественного, большого и малого, является различие мужского и женского начал, что проявляется практически во всем, даже в языке (или особенно в языке): «...в определенном смысле оппозиция мужской – женский “диктует” членение мира, действует весьма активно, подчиняет (производит перекодировку) других оппозиций, причем исходное значение (“сексуализация”) и операционное (основной механизм порождения) затушевывается чисто классификационным» (Цивьян 1991, 87).

Пословицы, обладающие «способностью к накоплению внеязыковой информации» (цит. по: Верещагин 1980, 303), весьма достоверно передают культурную специфику того или иного народа: «Ни в каком употреблении речи столько не обнаруживает себя характер и образ мыслей народа, или лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах, в коих он обличает себя» (Снегирев 1996, 152). Сравнение же семантических особенностей паремий разных народов (в нашем случае – русского и белорусского) позволяет выявить национально-культурную специфику традиционных стереотипов, бытовых норм поведения в языковой картине мира.

В настоящей работе рассматриваются некоторые сходства и различия в представлениях и оценке членов оппозиции **мужской – женский** в языке русских и белорусских пословиц в их соотношении с семейно-бытовыми нормами, неписаными правилами и установками, регламентирующими отношения между полами.

В основе ритуально-обрядовых комплексов восточных славян лежит наиважнейший принцип организации их модели мира – принцип улучшения и продолжения рода (см. Крук 2001, 32–39). Брачный союз мужчины и женщины – не только ответственный шаг человека в его личной жизни, но и очередная ступень родовой лестницы, морально-этическое обязательство перед супругом, будущими детьми, родителями, своим родом. Важность этого шага подтверждается и количеством пословиц, связанных с семьей и браком.

В рассматриваемой нами группе пословиц количество «женских» паремий значительно превосходит число «мужских». Прочие тематические блоки, не имеющие столь тесного отношения к семейно-бытовой сфере, посвящены в основном мужчине, что объясняется его более широким социальным пространством, выходящим за пределы «своего» и включающим определенный круг «чужих» людей, тогда как главный, едва ли не единственный аспект жизни женщины – семейный.

В наивной картине мира русских и белорусов замужество – необходимая и единственно возможная реализация женщины: только выходя замуж и становясь матерью, девушка приобретает социальную значимость. Традиции патрилинейности и патрилокальности, установившиеся в патриархальном обществе, и связанное с ними предпочтение, отдаваемое младенцам мужского пола, вместе с тем не делают мужчину менее зависимым от необходимости заключения брачного союза. Семья – единственно признанный Богом и людьми способ продолжения рода, на что и указывают пословицы: *И в раю жить тошно одному* (Даль, I, 297); *Холостой – полчеловека* (Даль, I, 297); *Хужы няма кары, як жыць без пары* (Гр., II, 24).

Для русского народного сознания имеет большое значение понятие **судьбы** по отношению к индивиду, осмысляемое чаще всего как **доля** (см. Никитина 1994, 130–131). Доля содержит в себе ряд стержневых для человеческой жизни событий, которых невозможно избежать. Главные из них – брак и смерть, называемые в фольклоре судом: *Смерть да жена – богом суждена* (Даль, I, 298); *Суженого и на кривых оглоблях не объедешь* (Даль, I, 297). Согласно славянским дохристианским воззрениям долей человека наделяет божество – Род и Рожаницы (*Кому что на роду написано* (Даль, I, 44)), в христианстве долю дает Бог (*Что будет, то будет; а бу-*

дет то, что Бог даст (Даль, I, 44)). Таким образом, будущая семейная жизнь в наивной картине мира русских полностью зависит от чужой воли, поэтому *Не у всякого жена Марья – кому Бог даст* (Даль, I, 44). Доля случайна (*Одному с женою радость, другому горе* (Даль, I, 303)), но не может быть изменена в лучшую сторону (*Бился, колотился, а доброй жены не добился* (Даль, I, 302)). Доля может и не соответствовать задаткам и достоинствам человека, причем человеком этим является исключительно мужчина (*Счастлив игрой, да несчастлив женой* (Даль, I, 43)), а женщина, лишенная права выбора, выступает в роли подарка (*Клад да жена – на счастливого* (Даль, I, 58)) либо наказания (*Худая жена – кара господня* (Даль, I, 310)). Ее судьбу определяет не Бог, а родители (отец) – до замужества и муж – после: *Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа* (Даль, II, 221). В отличие от пассивной доли русского, которая дается, которой наделяются и которую можно потерять, персонифицированные воплощения злой доли белоруса – *бяда, гора, ліха* – очень активны: каждое из них *шукае, спаткае, знайдзе, прыйдзе, скача, плача, пішчыць*, однако они не предопределяют будущую семейную жизнь. В белорусском народном сознании также присутствует мотив предназначения одного человека другому (*Суджанага і канём не аб'едзеш* (Гр., II, 31); *Калі бог судзіць, то і чорт не разгудзіць* (Гр., II, 31)), но у человека всегда остается возможность что-либо изменить: *Не суджана, калі разгуджана* (Гр., II, 31). Брак в белорусских пословицах – один из способов найти свое счастье: *Не век дзеўкай дзеваваць, трэба шчасця папытаць* (Гр., II, 18), причем мужчина и женщина в этой попытке равны, поэтому каждый из них одинаково ответствен за сделанный выбор: *Бачылі вочы, што бралі, а цяпер плачце, хоць павылазце* (Гр., II, 50). О разнице в социальном положении женщин России и Беларуси можно судить и по тому факту, что все русские пословицы, содержащие рекомендации относительно важнейших качеств будущего супруга, предназначены мужчине (см. Даль, I, 299–301), тогда как в пословицах белорусского народа наряду с портретом идеальной избранницы, главным качеством которой является трудолюбие (*Не выбірай дзеўку ў карагодзе, а шукай у агародзе* (Гр., II, 27); *Не глядзі на мяне, у касцёл ідучы, а глядзі на мяне, лён тручы* (Гр., II, 28)), предстает образ желательного либо нежелательного спутника жизни: *Не той хорош, хто тварам прыгож, а той хорош, што на справу гош* (Гр., II, 28); *З гультаям пажаніцца – лепей задавіцца* (Гр., II, 21); *Хто п'яніцу палюбіць – жыццё сабе загубіць* (Гр., II, 21). В русском патриархальном обществе установилась строгая соподчиненность в отношениях между полами: мужчина – субъект истории, а женщина – лишь объект его власти. Белорусские же пословицы фиксируют гораздо более высокий уровень правовой свободы женщины, а содержащаяся в них информация позволяет заключить, что если русский мужчина берет себе жену, то белорусская женщина *выходит* замуж.

Перспективы предстоящего брака в народной психологии напрямую зависят от личных качеств супругов, но пословицы русского и белорусского народов фиксируют некоторые отличия. Так, для русских значимо противопоставление *добрая – злая жена*, а мужчина практически однозначно воспринимается как существо нейтрально-положительное, все недостатки которого (глупость, пьянство, жадность и т. п.) проявляются вне дома. Пословиц, напрямую соотносящих личностные качества супругов, где характеристика одного зависит от объективно оцениваемых свойств другого, немного (*У умного мужа и глупая жена досужа* (Даль, I, 304); *У плохого мужа жена всегда дура* (Даль, I, 304)), причем только в одной из них критерием оценки мужчины является женщина: *У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит* (Даль, I, 306).

От того, какая жена достанется мужчине, зависит его дальнейшее благополучие (*Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать* (Даль, I, 306);

Лучше жить со змеею, чем со злою женою (Даль, I, 310)); благополучие же брака для белорусов, в частности для женщины вне зависимости от ее достоинств и недостатков, определяется свойствами мужа: *За добрым мужем і варонка жонка, а за дурным і княгіня загіне* (Гр., II, 62), а жизнь с ним сулит дальнейшие изменения в лучшую или худшую сторону: *За добрым кустом трава зелянее, за добрым мужем жонка маладзее* (Гр., II, 62); *За добрым мужыком трасе баба кумпяком, а за якім брыдам ходзіць грыбам* (Гр., II, 62). Для социальной психологии русских, отраженной в языке посредством паремий, показательно утверждение *Жена виновата искони бе* (Даль, I, 291), тогда как у белорусов *За ўсё мужык у адказе* (Гр., II, 59).

Показательно, что у обоих народов сформировалось различие женщины как жены (в отношении к мужу) и женщины вообще с присущим ей психологическим своеобразием (в отношении к мужчине). Выделению этих ипостасей соответствует употребление разных лексем: в первом случае – рус. *жена*, бел. *жонка*, *гаспадыня*, во втором – рус. *баба*, бел. *баба*, *кабета*. Во внешней жизни женщина проявляет себя как **жена**, социальная роль которой ограничивается рамками дома и семьи, где она находится в неравном положении с мужем: у русских это – полная зависимость, у белорусов же – частичное равноправие. Так, например, семейное насилие по отношению к женщине в наивной картине мира русского человека – норма: *Бабий быт – завсе бит* (Даль, I, 291). В собрании В.И. Даля нами выявлено 25 пословиц, оправдывающих необходимость и даже предписывающих периодически избивать жену: *Любить жену – держать грозу* (Даль, I, 308), и 19 – фиксирующих этот факт как данность: *Обошел муженек женушку дубинным корешком* (Даль, I, 308). Насилие является показателем нормальной семейной жизни (*Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет – мил не живет* (Даль, I, 308)), а побои – не наказанием за некое преступление илислушание, а пропедевтической мерой: *Чем больше жену бьешь, тем наварней щи* (Даль, I, 308); *Шубу бей – теплее, жену бей – милее* (Даль, I, 308). Белорусские пословицы, зародившиеся в правовом и моральном климате Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, позволяют говорить об особом характере отношений в семье. Для белорусского мужчины побои – скорее вынужденная, единичная, а никак не постоянная мера, применяемая исключительно «оправданно» (*То дубцом, то лазінаю, каб была гаспадыняю* (Гр., II, 51); *Карову б'юць за зык, а бабу – за язык* (Гр., II, 51)), так как в случае насилия и жестокости со стороны мужа предусматривался уход жены, что, по сути, означало развод (см. Ракава 1997, 179). Использование же в текстах пословиц императивных форм усиливает перлокутивные возможности данного вида паремий, а значение отрицания, придаваемое белорусским пословицам частицей *не*, делает «направления воздействия» у русских и белорусов противоположными: *Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь)* (Даль, I, 308); *Бей жену обухом, припади, да понюхай: дышит да морочит, еще хочет* (Даль, I, 308) – *Людзей слухай, а свой розум мей і жонкі не бей* (Гр., II, 52); *Ты не бі жонку: часам яна разумней* (Гр., II, 52).

Согласно древним представлениям, выраженным в пословицах, в публичной жизни женщина определяется лишь по занимаемому ею семейному положению как жена, мать, дочь, сестра. Внутренний мир, природные склонности и способности женщины проявляет **баба** – именно так в большинстве случаев называется женщина вне социального статуса. В русских пословицах баба представлена как носитель многочисленных недостатков: она болтлива (*Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей* (Даль, I, 289)), лжива (*Бабья вранья и на свинье не обьедешь* (Даль, I, 290)), слезлива (*Без плачу у бабы дело не спорится* (Даль, I, 290)), сварлива (*Собака умней бабы: на хозяина не лает* (Даль, I, 289)), глупа (*Волос долог, ум короткий* (Даль, I, 289)), непостоянна (*Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зару-*

бисто, и на оба конца (Даль, I, 290)), изворотлива (*Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы уверток* (Даль, I, 308)), хвастлива (*За очи и баба князя перетяжет* (Даль, I, 217)), упряма (*Стели бабе вдоль, она меряет поперек* (Даль, I, 289)), своенравна (*Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь* (Даль, I, 291)), суетлива (*Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом* (Даль, I, 171)), льстива (*Женская лесь без зубов, а с костями сложет* (Даль, I, 290)). Женщина в народном сознании — существо амбивалентное, поэтому наряду с отрицательными качествами в ней присутствуют и положительные свойства: баба правдива (*И баба видит, что неправда идет* (Даль, I, 153)), терпелива (*Баба, что мешок: что положишь, то и несет* (Даль, I, 290)), отважна (*У нас и баба зауряд в рекруты идет* (Даль, I, 290)), способна к сильным чувствам (*Женское сердце, что котел кипит* (Даль, I, 290)). Вместе с тем ее оценка в русских пословицах весьма категорична: *Рак не рыба, кожан не птица, баба не человек* (Даль, II, 305); *Курица не птица, а баба не человек* (Даль, I, 290). Подобное заявление нельзя считать отказом женщинам в праве «людзьмі звацца», но оно служит доказательством того, что по отношению к ней в массовом сознании русских преобладает «феномен негативности». В белорусских пословицах, посвященных бабе, также утверждается наличие у нее вышеперечисленных качеств (см. Гр., II, 74–79), но особое внимание уделено сопоставлению бабы и черта (дьявола, сатаны, беса), значимому для народной психологии. Баба представлена не только как исполнитель придуманного чертом действия или равная ему по силе, что свойственно и русским паремиям (см. Даль, I, 291), но оказывается сильнее: *Бабе і сам чорт з дарогі ўступае* (Гр., II, 75); *І чорт бабы баіцца* (Гр., II, 75). Пословицы, утверждающие способность женщины быть выше зла, персонифицированного в образе черта, демонстрируют качества, с которыми не в силах справиться злая сила: несговорчивость (*З бабаю і сам чорт рады не дасць* (Гр., II, 75)), привередливость (*Д’ябал солад саладзіў і то бабе не дарадзіў* (Гр., II, 75)), настойчивость (*Як баба схоча, дык і сам чорт зарагоча* (Гр., II, 77)), непобедимость (*Бабы і сам чорт не пераможа* (Гр., II, 75)). Баба превосходит злого духа даже в хитрости, несмотря на то, что коварство является определяющим качеством черта (лукавого): *Баба й чорта абманець* (Гр., II, 77). Данная особенность белорусских пословиц позволяет предположить, что в народном сознании превосходство женщины над чертом, реализуемое на личностном, характерном уровне, неким образом связано и с превосходством ее в психологическом плане над мужчиной и является своеобразной компенсацией за зависимое от него положение в социальной сфере.

Различия в семейных нормах поведения русских и белорусов, выявленные в ходе сопоставления пословиц этих народов, подтверждаются историческими данными о правовом положении женщины на Руси и в Великом княжестве Литовском (см. Жанчины... 1997, 14–15; Костомаров 1993, 138–145; Русские 1997, 456–465; Сліж 1996, 57–66), что представляет собой не только факт социальной психологии, но и свидетельствует об объективности выводов, которые могут быть получены в результате семантического анализа паремий.

Сокращения

Гр. — Белорусская народная творчасьць: Прыказкі і прымаўкі: У 2 кн. / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ артыкул і камент. М. Я. Грынблата. Мн., 1976; Даль — Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. СПб., 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
 Жанчины Беларусі ў люстэрку эпохі: Нацыянальная справаздача. Мн., 1997.
 Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
 Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. Мн., 2001.
 Никитина Е. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур: Сб. ст. М., 1994. С. 130–136.

- Раква Л. З гісторыі беларускай сям'і // Роднае слова. 1997. № 6. С. 172–181.
- Русские / Сост. В.А. Александров, В.А. Тишков, И.В. Власова и др. М., 1997.
- Сліж Н. Статус жанчыны-шляхцяні ў ВКЛ (XVI–XVIII стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. № 4. С. 57–66.
- Снегирев И. И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.
- Цивьян Т. В. Оппозиция *мужской/женский* и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: Сб. ст. СПб., 1991. С. 77–91.

Поступила в редакцию 15.10.2002.

Ольга Васильевна Викторчик – аспірантка кафедры русскаго языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И.С. Ровдо.

М.В. ЗОЛАТАВА

СЛОВАЎТВАРАЛЬНАЕ ЗНАЧЭННЕ ЦЭЛАСНАГА АХОПУ АБ'ЕКТА ДЗЕЯННЕМ У БАЛГАРСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Аналізуюцца болгарскія і беларускія глаголы са значэннем цэлоснага ахвата аб'екта дзеяннем, абразаваныя пры помачы прыставкі *пре-/пера-*, і вызначаюцца асновыя разліччя ў функцыянаванні гэтага словаафармавальнага значэння.

The author analyzes Bulgarian and Belarusian verbs with the object completely enveloped by the action derivative semantics, formed with prefix *пре-/пера-*, and tries to determine the basic distinctions in functioning of the derivative semantics in question.

Супастаўляльныя даследаванні ў галіне славянскай дзеяслоўнай прэфіксацыі сведчаць пра тое, што словаўтваральная семантыка прыставак “амаль цалкам супадае ва ўсіх славянскіх мовах” (Леков 1958, 15). Адрозненні праяўляюцца галоўным чынам на ўзроўні функцыянавання словаўтваральных фармантаў (гл. Нецименко 1983, 32). Гэтыя факты, а таксама фармальнае супадзенне прэфіксаў і іх вельмі абмежаваная колькасць – І. Лекаў (гл. Леков 1958, 11) называе ўсяго 22 славянскія прэфіксы – вызначаюць спецыфіку задач даследчыка, які займаецца вывучэннем дзеяслоўнай прэфіксацыі ў славянскіх мовах. З аднаго боку, гэта павінна быць устанаўленне фактаў разыходжанняў у функцыянаванні прэфіксаў у супастаўляемых мовах, а з другога – вызначэнне тыпалогіі славянскай дзеяслоўнай прэфіксацыі.

У дадзеным артыкуле разглядаюцца балгарскія і беларускія дзеясловы, утвораныя пры дапамозе прыстаўкі *пре-/пера-*, якія абазначаюць цэласны ахоп аб'екта дзеяннем. Паспрабуем вызначыць асноўныя адрозненні ў функцыянаванні дадзенага словаўтваральнага значэння прыстаўкі. Матэрыял для даследавання адбіраўся з аднатомных тлумачальных слоўнікаў балгарскай і беларускай моў (“Български тълковен речник” і “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы”; далей – БТР і ТСБЛМ).

Засяродзім увагу на словаўтваральнай семантыцы прыстаўкі *пре-/пера-*. Мы адштурхоўваемся ад меркавання, што словаўтваральная семантыка прэфіксаў заснавана на выражэнні прасторавых адносін, уласцівых адпаведным прыназоўнікам (гл. Граматика... 1998, 253; Кабакчиев 1986, 48–49; Стефанов 1960, 67). “Першасныя значэнні прыставак прасторавыя і супадаюць з адпаведнымі значэннямі прыназоўнікаў” (Спасова-Михайлова 1976, 117). У дадзеным выпадку гэта балгарскі *през* і беларускі *праз*. “Семантычны інварыянт у відочна досыць разнастайных тыпах ужывання балгарскага *пре-* можна, бадай, вызначыць наступным чынам: рух, які дасягае ўзроўню вышэй за верхнюю граніцу рэчы; рух скрозь (*праз*) нешта, з перасячэннем мяжы рэчы” (Котова 2001, 473). Такім чынам, базавым словаўтваральным значэннем *пре-/пера-* мы лічым выражэнне ажыццяўлення дзеяння праз нешта, праз пэўны прамежак ці перашкоду, скіраванасць дзеяння на пераадоленне гэтага прамежку ці перашкоды. Семантычны кампанент пераадолення пэўнага прамежку ўласцівы ўсім без выключэння словаўтваральным значэнням прыстаўкі *пре-/пера-*. Напрыклад, пераадоленне прамежку прас-